

Армен Джигарханян колбасу не покупает

А.Б.Джигарханян сыграл более 200 ролей, им созданы самые разнообразные образы как на сцене театра, так и в кинематографе. Это незабываемые роли в фильмах «Собака на сене», «Премия», «Когда наступает сентябрь», «Место встречи изменить нельзя», «Здравствуй, я ваша тетя!». Одним амплу актерское мастерство Армена Борисовича не ограничивается, и он одинаково убедителен как в роли героя-любownika, так и в роли главаря банды.

В настоящее время возглавляет театр, который так и называется – Театр Армена Джигарханяна и носит статус государственного...

– Армен Борисович, что вас привлекло в лицедействе? Вы, наверное, с детства мечтали играть на сцене?

– Нет, ничего не делал – стихов на елке не читал, в школьной самодеятельности не участвовал. Но театр любил. Эти гены у меня, наверное, от мамы Елены Васильевны. Она была заядлой театралкой и не пропускала ни одного драматического или оперного спектакля. С самого раннего детства я ходил с ней в театр.

– Чем занимался ваш отец?

– Отца своего я почти не знал. Он бросил маму, когда мне было 2-3 месяца. Люди Кавказа, и армяне в том числе, очень ценят родственные связи. Но в данном случае я говорю о родственниках, а не о семейных отношениях между мужчиной и женщиной. Да я никогда и не возьму на себя ответственность кого-то осудить за это. Подчас, если мужчина уходит из семьи, это является нормальным выходом из сложившейся нездоровой ситуации.

– Есть даже такая поговорка: если от тебя ушел мужчина, то неизвестно, кому повезло.

– Или женщина. В такой ситуации бывает жалко детей. Вот и мы с мамой жили вдвоем, но ущербно себя не чувствовал. И отца я увидел впервые, когда мне было 28 лет... Я был один ребенок в семье, как и сейчас я один. Знаете, человек – самое сильное животное. И бывает несовместимость даже...

«Приключения Солнышкина»

– Когда началась вторая мировая война, вы были ребенком. Помните ли вы те годы?

– Да, я родился в 1935 году, но войну помню плохо. В самой Армении войны не было. Голод был. Климат довольно теплый, но ведь теплом не насытишься. И потом, между дневной и ночной температурой может быть существенная разница. К вечеру может такой сильный ветер подуть, что все

сносит. И морозы бывают зимой до 20-30 градусов. Такой климат называется резкоконтинентальный. Но нищета на юге, конечно, легче переносится. На войне из моих близких никто не воевал. По-моему, в 1943-44 году я первый раз увидел раненого. Мужчину в ногу ранило. Наш сосед сказал ему, я запомнил: «Надо быть осторожнее на войне». Как можно быть осторожнее на войне? Хорошо запомнил день Победы, мне было 10 лет. Вот как сейчас помню то солнечное утро, бежит какая-то женщина по улице. Моя мама спрашивает у нее: «Что случилось?». А она кричит: «Война кончилась!». И побежала дальше.

– Те голодные годы чему-то научили вас, заставили задуматься?

– Вы знаете, и тогда, и сейчас мною одинаково руководят и сердце, и разум. Независимо от возраста и времени. Хотя в жизни ничего не бывает отдельно. Мои радости, мои горести, мои болячки, мои друзья – все это вместе и создает мой образ человека, а не артиста. Заставляет меня задумываться. Часто обижаю людей, если умирает близкий мне человек, не хожу на похороны. Не хочу. Мне надо запомнить человека живым. Кому-то это не нравится, обижаются. А вообще, все дело в нашей корректности.

– Знаете, к образам, созданным вами в театре и кинематографе, можно относиться по-разному – настолько они разноплановы. Но как вы сами относитесь к своему творчеству и образам, которые создаете?

– Я буду несколько банален, но все образы – это мои дети, и все они имеют ко мне самое непосредственное отношение. Это я в другой какой-то жизни. И каждый человек порой видит себя в ситуациях, подчас ему несвойственных, совершает поступки, которые никогда бы не совершил. И образы создаются так же. Театр – это моя жизнь. И все роли мне близки – от бандита до героя-любownika. А зрителей не должно интересовать, какой я в жизни. Нередкое явление – артисты, которые в жизни довольно глупы, а на сцене – философы. В этом суть нашей профессии. Ведь алкоголика хорошо сыграет лишь трезвенник.

– Создается впечатление, что вы не только сами играете, но нередко оказываетесь и в числе зрителей.

– Если я настроен, меня может радовать все, что угодно. Все зависит от меня

самого. И на любимого артиста я хожу с надеждой, что у нас возникнет диалог, общение. К сожалению, в последнее время у меня возникло такое ощущение, что я все уже знаю. Это очень плохо. Ни на один ваш вопрос я не могу ответить однозначно.

– Каким отечественным кинокартинам вы отдаете предпочтение?

– Я могу выделить три фильма отечественного кинематографа: «Белое солнце пустыни», «Место встречи изменить нельзя» и «Здравствуй, я ваша тетя!» Еще в советские времена ныне покойный создатель «Тети» Титов говорил мне, что ее показывали раз 70 по телевизору. Это фильмы-рекордсмены. В двух картинах я сыграл, но о том, как создавались эти фильмы, вы меня лучше не спрашивайте. Мне вообще не нравится, когда зрителя приводят на нашу творческую кухню. Между артистом и зрителем должна быть некоторая дистанция, необходим «культ» героя экрана. Мой учитель Армен Гулакян всегда повторял, что истинное искусство, актерское творчество очень индивидуально. Наша профессия держится на тайнстве, как и церковь. Даже мне, актеру, бывает неприятно, когда утром в магазине я вижу коллегу, покупающего колбасу. Выглядит это очень прозаично, и я разочаровываюсь. Со зрителем актер должен говорить языком образов, а не стоять с ним в очереди.

– Артисты вашего театра в магазины не ходят?

– Ходят, но все делается по чьему-то образу и подобию. Или от желания сделать ставку – как это у нас уже было – на человека с ружьем. Какой он – неважно. Важны атрибуты: котомка, каша, ружье. И не задавать лишних вопросов себе. У меня есть один товарищ, врач, доктор наук, в Ереване живет. Так он просидел всю службу на гауптвахте, потому что на все команды просил объяснений: «Я сделаю, но вы мне объясните, зачем?». А

«Кот в мешке»

беспрекословное подчинение – это опасно. Но если я наделен властью, то все равно делаю все по своему образу и подобию. Моя школа – это я, Джигарханян. Хотя в Библии ведь не написано «школа», а написано «по образу и подобию своему». Это и есть школа. И судить меня может лишь тот, кто сам испытал радость творчества. По этой причине я не читаю

рецензий. Каждый, конечно, зарабатывает свой хлеб, как может, но критики очень часто говорят откровенную глупость. Они показывают зачастую полное непонимание предмета, ведь на сцене действуют совсем иные психо-физические законы. Если вы сидите в зале и верите, что я – судья Кригс, а не Джигарханян, то это и есть творчество. Например, Осип Абдулов был в жизни заикой, говорят. Я не знаю, не видел. Но на сцене он не заикался! Вот что такое творчество!

Бенефис Л.Гурченко

– Помимо таланта и труда, что еще необходимо для становления артиста, как вы считаете?

– Об артисте можно судить после 35-ти лет. Не раньше! Вот есть сказка про Золушку. И первая поверхность, первый слой – он для всех. Потому что, вы знаете, мир разделен на лилипутов и гулливеров. Первый слой рассчитан на лилипутов. Все остальное имеет уже сложный процесс. Я был еще совсем молодой, всегда задавал себе вопрос: а что стало с Золушкой и принцем лет так через пять совместной жизни? Вот это интересно.

Но мы с вами сегодня не разберемся в этом, потому что хотим вывести формулу: что нужно для становления артиста. Талант, работоспособность, любовь к родине, любовь к семье. Вот и все. Мы вывели такую среднюю арифметическую формулу. Пирамидон на все случаи жизни.

А как же личность? Почему один человек становится красивым на сцене, хотя некрасив в жизни? Вот как можно объяснить этот процесс по выведенной нами формуле? Знаете, в чем беда наша? Мы – разрушители по своей натуре. Мы, люди – разрушители. Мы сами себе выбиваем почву из-под ног. По телевидению постоянно показывают насилие, убийства, аварии, катастрофы... Люди, насмотревшись, не знают, как им жить дальше. Я как актер должен дать людям шанс, но при этом говорить правду.

Наталья СОЛОВЬЕВА